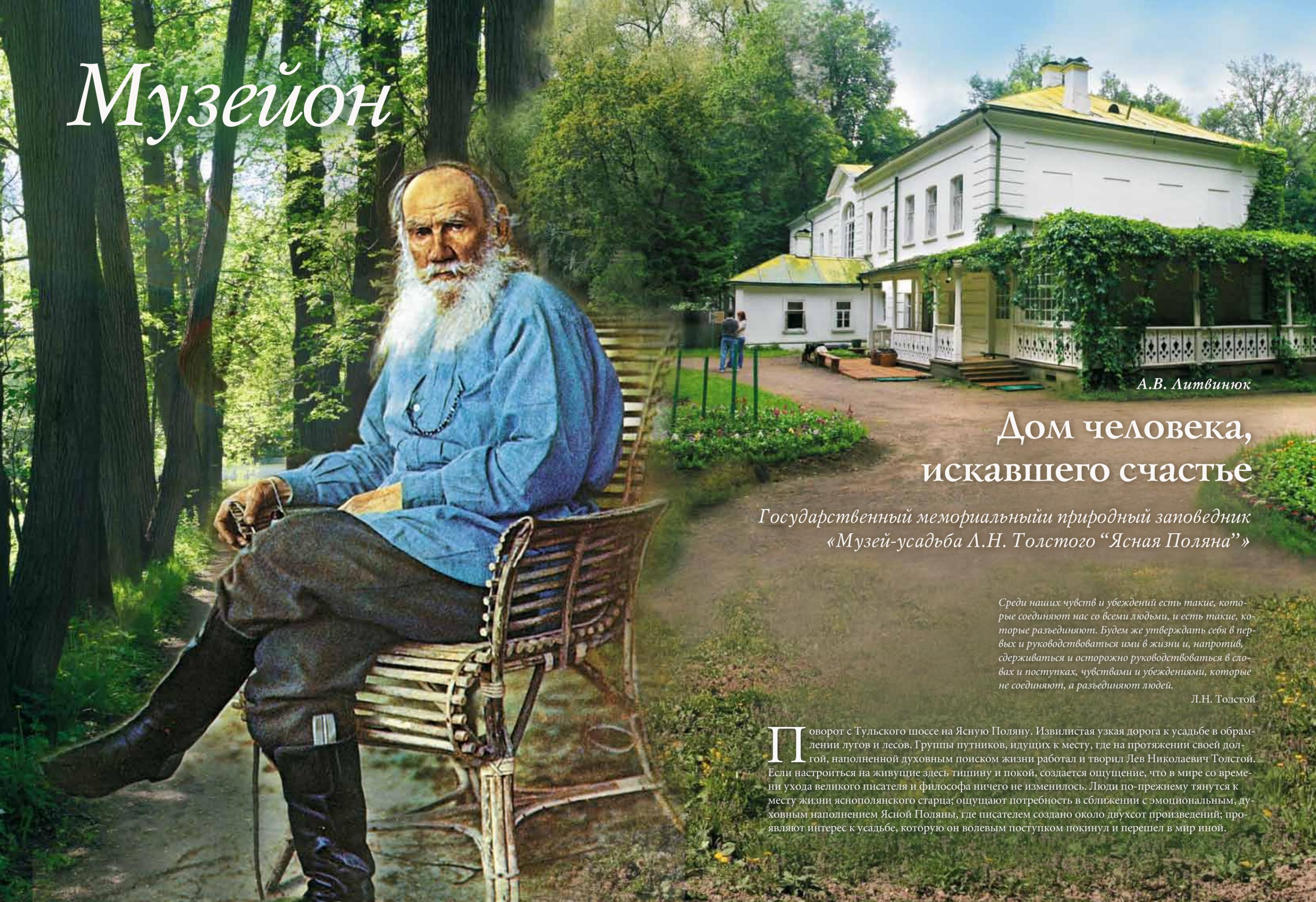

Музейон

А.В. Литвинюк

Дом человека, искавшего счастье

*Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»»*

Среди наших чувств и убеждений есть такие, которые соединяют нас со всеми людьми, и есть такие, которые разъединяют. Будем же утверждать себя в первых и руководствоваться ими в жизни и, напротив, сдерживаться и осторожно руководствоваться в словах и поступках, чувствами и убеждениями, которые не соединяют, а разъединяют людей.

Л.Н. Толстой

Поворот с Тульского шоссе на Ясную Поляну. Извилистая узкая дорога к усадьбе в обрамлении лугов и лесов. Группы путников, идущих к месту, где на протяжении своей долгой, наполненной духовным поиском жизни работал и творил Лев Николаевич Толстой. Если настроиться на живущие здесь тишину и покой, создается ощущение, что в мире со времени ухода великого писателя и философа ничего не изменилось. Люди по-прежнему тянутся к месту жизни яснополянского старца; ощущают потребность в сближении с эмоциональным, духовным наполнением Ясной Поляны, где писателем создано около двухсот произведений; проявляют интерес к усадьбе, которую он волевым поступком покинул и перешел в мир иной.

А.Н. Толстой со своим секретарем В.Ф. Булгаковым. Кочеты, 1910. Фото В.Г. Черткова

На пути к Толстому

Масштабы влияния на умы людей, атмосферу пристального внимания общественности к Ясной Поляне в последние годы жизни Льва Николаевича, которая была создана полувеком его работы, творчества, сейчас трудно себе представить. Дневники близких, очевидцев (в том числе последнего секретаря Льва Николаевича В.Ф. Булгакова) свидетельствуют о том, что каждый день к писателю и философу приходили за советом и помощью представители самых разных сословий. Ради того, чтобы увидеть автора «Войны и мира», простые солдаты готовы были идти под арест за самовольную отлучку. На станцию Козлова Засека мешками доставлялась почта для Льва Николаевича Толстого из разных уголков России и других стран. Сам писатель в конце жизни считал такой интерес к своей личности преувеличенным любопытством.

Могла ли смерть физическая на железнодорожном полустанке Астапово стать окончанием пути искателя и духовного странника, о котором мы, кажется, знаем даже больше, чем порой о своих близких, сотворившего произведения, до сих пор волнующие, пробуждающие чувства, побуждающие к поиску миллионы людей?

Его современники жили с ощущением, что рядом, в одно время с ними живет человек, мнение которого по любому поводу им бесконечно интересно и важно. «...Многие ждали, что скажет Толстой, даже ошибочное его мнение казалось ценнее обкатанного профессорского или газетного трюизма. Оттого даже у самых духовно независимых и сильных современников <...> одна мысль о возможной смерти Толстого вызывала сознание огромного духовного сиротства»¹. Не любивший

преувеличений и пафоса А.П. Чехов, по воспоминаниям И.А. Бунина, как-то обмолвился: «Вот умрет Толстой, и все к черту пойдет!

– Литература?

– И литература»².

«Надо торопиться понимать Толстого с юности, – писал Блок, – пока наследственная болезнь призрачных “дел” и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил». «Непременно вы должны побывать у Толстого», – говорил маститый В.В. Стасов Николаю Рериху, окончившему в 1897 году Академию художеств. – <...> Что мне все ваши академиче-

ские дипломы и отличия. Вот пусть сам писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. <...> Он-то сразу поймет, с какой такой вестью спешит ваш “Гонец”»³.

Валентин Федорович Булгаков писал в своем дневнике: «Часов в одиннадцать утра приехали из Москвы с письмами ко мне и к Льву Николаевичу от общего нашего знакомого японца Кониси двое его земляков: Хорада, директор высшей школы в Киото, и Ходжи Мидзутаки, чиновник министерства путей сообщения... Были еще посетители: инженер и студент с женами из Петербурга – посмотреть на Л. Толстого и получить его автографы; студент духовной академии и революционер: первый приезжал, чтобы уко-

рить Толстого за то, что он передал родным право собственности на свои сочинения до 1881 года, второй – чтобы увещевать Толстого «проповедовать истину револьвером»⁴.

Обращение к книге отзывов музея-усадьбы «Ясная Поляна» показывает, что и сейчас место, пронизанное духом Л.Н. Толстого, притягивает людей.

«Сегодня я получила подарок. Он не имеет цены. Первый раз за свою двадцатидвухлетнюю жизнь я попала в Ясную Поляну. Сложно, даже невозможно сказать, что я чувствую. Все ярко. Поразили деревья. Буду приезжать, любоваться, дышать этим светлым воздухом. Спасибо. *Ольга*».

«Каждое посещение Ясной Поляны, музея литературного и Дома, – радость приобщения к ис-

³ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3-х т. Т. 2. М.: МЦР, 2000. С. 85.

⁴ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. С. 162.

Панорама усадьбы (аэрофотосъемка) ▶

¹ Лакишин В.Я. «Скажите граф...» / В кн.: Берега культуры. М., 1994. С. 165–166.

² А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 490.

Башни при въезде в усадьбу Л.Н. Толстого

куству, которая никогда не угасает в душе. Огромная радость. Спасибо всем, кто бережет ее для всех нас. Будьте здоровы и благополучны. С благодарностью, *Лариса Пастух* из Киева».

«Я приехал из Республики Дагестан. Л.Н. Толстой – человек земли: он землю поил, ласкал, кормил, целовал, и поэтому она ему плоды дала... Он любил простой народ, а народ его тоже. Майор *Алиев Т.Р.*».

Все тульские окрестные свадьбы едут сюда. Это считается хорошей приметой.

По словам директора музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимира Ильича Толстого, праправнука Льва Николаевича, то, что сейчас происходит вокруг его великого предка, он ощущает как «удивительное явление». Интерес к Толстому в мире растет именно в последние годы. «Спустя тридцать-сорок-пятьдесят лет осуществляются новые переводы Толстого на все ведущие языки мира. Переводят и знаменитые романы, рассказы, повести и дневники, письма... В прошлом году мы ездили в Мексику с презентацией четырехтомника переводов на испанский язык дневников и писем Л.Н. Толстого. Осенью предстоит такая же презентация в Гватемале, Бразилии... Недавно сделан новый перевод романа «Война и мир» на японский язык, изданы три новых перевода на английский», – рассказывает Владимир Ильич.

В Ясную Поляну на международные семинары текстологов приезжают специалисты, которые работают с рукописями писателя. Безусловно, притягивает она и ученых, исследующих творчество Л.Н. Толстого, и переводчиков русской литературы. Музей организует для них на своей территории конференции. Раз в два года в августе здесь собирается семейный съезд рода Толстых.

В этом и состоит уникальность наследия Толстого: и он сам, и место его жизни по сей день интересны не только жителям России, европейцам, но и японцам, китайцам, тайванцам, мексиканцам. (По словам сотрудников музея, во время выставки Ясной Поляны на Тайване ковровая дорожка к портрету Л.Н. Толстого была протерта до дыр.) Личность Толстого – вне времени и пространства, и для каждого человека она открывается по-своему. «Все любили его, разумеется,

Березовая аллея «Прешпект» в яснополянской усадьбе ▶

по-разному, но каждый находил в нем себя самого: и в жизни всех нас он явился откровением – вратами, раскинувшимися в огромную вселенную», – сказал о Толстом Томас Манн.

Сквозь время и пространство

По дороге к Толстому гостей музея-усадьбы «Ясная Поляна» приветствуют белые сторожевые башенки с зелеными крышами. Их поставил еще дед Льва Николаевича по материнской

линии, генерал-аншеф от инфантерии в отставке Николай Сергеевич Волконский. Именно он послужил прототипом князя Николая Андреевича Болконского в романе «Война и мир». Двести лет назад Николай Сергеевич начал строить усадьбу: сначала для своей семьи, а потом для рано оставшейся без матери единственной дочери – Марии Николаевны. В «Войне и мире» усадьба описана как имение князя Болконского Лысье Горы.

От башен и главных ворот дорога – дед Толстого дал ей название «Прешпект» – устремляет-

ся в центральную часть усадьбы. Сохранный в этом слове аромат эпохи настраивает на неторопливый и мудрый жизненный ритм быта семьи Толстых: радостный, светлый, окруженный высокими березами Прешпект уже давно перестал быть обычной дорогой, а превратился в один из символов, которыми наполнена Ясная Поляна, – место, знакомое даже тем, кто никогда не был в этих краях, но читал романы и повести Толстого.

В музее под открытым небом заботливо воссоздан мир, построенный для своих потомков князем Волконским. На территории Ясной Поляны нет примет современной цивилизации, зато летом можно наблюдать, как едет по дорожке впряженная в телегу лошадь, пасутся среди благоухающих яблонь пони, валяются на траве лошади и собаки, гордо вышагивают к птичнику разговорчивые самодостаточные упитанные гуси. Долгих восемнадцать лет князь выстраивал жилищно-хозяйственный комплекс Ясной Поляны с домом для себя, помещением для прислуги, конюшней, столярной и плотницкой мастерскими, кузницей, пасекой, огородами, оранжереями, садами, парками, аллеями...

Прогулка по музею под открытым небом дает уникальный шанс заглянуть не только в мир детства, юности, зрелости, творческую мастерскую Л.Н. Толстого, но и в быт его семьи, а также его современников, познакомиться с повседневной жизнью дворянской усадьбы. К концу XVIII века по всей России таких небольших по тем временам поместий насчитывалось несколько тысяч. Большинство из них в годы революции были разграблены или сожжены, и целый пласт русской куль-

туры сознательно сведен с карты страны. Ясной Поляне повезло дважды. Имя и память, которую оставил среди людей Лев Николаевич Толстой, спасли это место в годы революции и во время немецкой оккупации в период Великой Отечественной войны. Музейным работникам удалось сохранить облик усадьбы и, главное, дома, в котором жил Лев Николаевич Толстой.

Свернув с Прешпекта налево, путник подходит к дому основателя усадьбы – Н.С. Волконского, где сейчас располагаются административный корпус и библиотека музея. Рядом с домом разбит большой хозяйственный двор.

Когда Николай Сергеевич Волконский возвел для себя в глубине усадьбы более модный архитектурный ансамбль с «ампирной постройкой» и двумя флигелями справа и слева, здание с толстыми стенами («на века») превратилось в фабрику, где сальные девушки ткали полотна, вязали кружева, пряли, шили на пяльцах. По семейному преданию, князь как умный помещик заботился о благосостоянии своих дворовых, крестьян, хотел, «чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одеты и веселились бы. По праздникам устраивал для них увеселения, качели, хороводы»⁵. Эту заботу, бережное отношение к крестьянам Лев Николаевич явно унаследовал от деда. Симпатия к крестьянам впоследствии привела Толстого к созданию собственной ниши в литературе конца XIX столетия. «...Был возможен и еще один путь: сближение с реальной народной массой – крестьянством пореформенного периода. По этому пути пошел Л.Н. Толстой. Сильные сто-

Дом Волконского

роны крестьянской идеологии позволили Толстому создать выдающиеся реалистические произведения, написать роман – социальное обозрение, где подвергаются беспощадной критике все господствующие классы России»⁶.

Но вернемся к князю Николаю Сергеевичу. «Князь был большой охотник строиться, и начи-

ная от птични и конюшен с полами до спальной дочери, все было сделано прочно, богато, красиво, а главное, отчетливо. Князь не мог перенести вида отбитой штукатурки и, еще хуже, неровного пола, кривой стены. Один раз он приказал перештукатурить целый флигель за то, что прикинув угольником, убедился: угол был не математически прямой... Всюду в “городке” ощущалась “поэзия порядка”»⁷.

С любовью выстроенный «городок» (так с гордостью назвал творение своих рук князь Волконский), уважение к «поэзии порядка» перешли по наследству к матери Льва Николаевича Марии Николаевне, которая в 32 года вышла замуж за блистательного подполковника в отставке Николая Ильича Толстого.

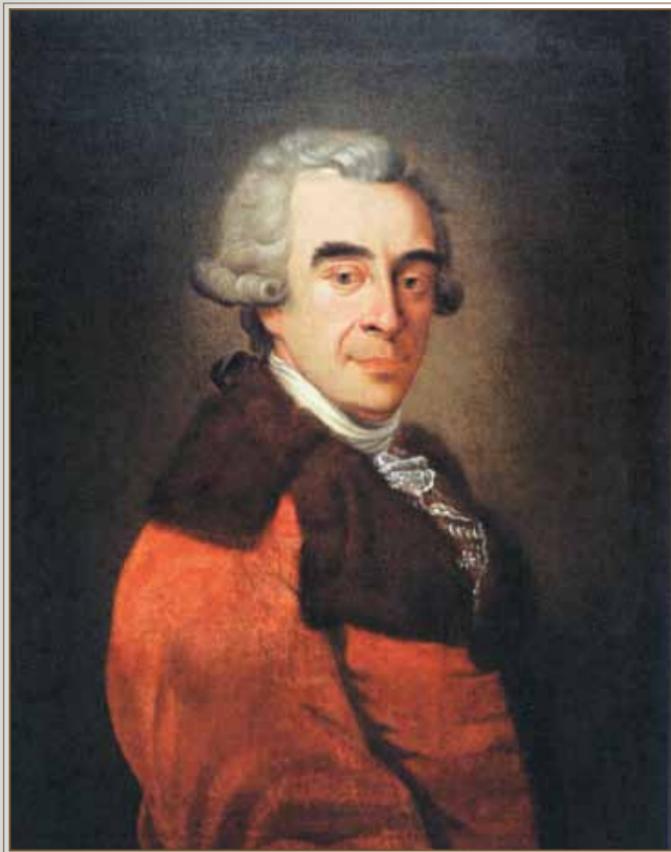
В начатом отцом Марии Николаевны, а законченном уже ее мужем Николаем Ильичем большим трехэтажном доме с тридцатью двумя комнатами, среди аллей, садов и парков, вдали от «большого света», в атмосфере сознательно сохраняемой семьей патриархальности прошли девять счастливых (несмотря на брак, устроенный по расчету) лет семейной жизни родителей Льва Николаевича. В этом доме, где обитала любовь,

⁵ Никитина Н. Ясная Поляна. Путешествие со Львом Толстым. Тула, 2005. С. 38.

⁶ Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб, 1997. С. 542.

⁷ Никитина Н. Ясная Поляна. Путешествие со Львом Толстым. С. 38.

◀ Вид на усадьбу «Ясная Поляна» со стороны деревни. 1908. Фото К.К. Булла

Неизвестный художник. Портрет князя Н.С. Волконского. Начало XIX в.

родились их пятеро детей: четыре сына, Николай, Сергей, Дмитрий, Лев, и дочь Мария.

В черновиках «Войны и мира», в сцене знакомства маленькой княгини с Лысыми Горами, сохранилось описание дома: «Она с интересом осмотрела анфиладу «высочайших, оригинально расположенных комнат, с зимним садом и комнатой чучел и зверей» и вошла в столовую, похожую на бальный зал, огромную, светлую, прекрасно убранную, с расписным потолком, дубовыми столами и шкапами, с фамильными портретами в массивных золоченых рамах и с гербом в такой же раме... Интерьер дома был «тяжелым и отчетливым»⁸.

Именно в такой обстановке и родился Лев Николаевич Толстой 28 августа 1828 года. Детское счастье, которое он впоследствии неоднократно опишет, оборвалось внезапной трагически нелепой смертью Марии Николаевны – ее ударили качели. Льву Николаевичу не было и двух лет, когда в его жизнь впервые вошло слово «смерть», что

⁸ Никитина Н. Ясная Поляна. Путешествие со Львом Толстым. С. 55.

⁹ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. Вступительная статья Л.Д. Опульской. М., 1990. С. 6.

и повлияло на дальнейшее становление личности. В девять лет он остался круглым сиротой, потеряв отца, погибшего на улице Тулы при загадочных обстоятельствах (официально – от сердечного приступа).

Детей окружили любовью и вырастили тетушки: Александра Ильинична Толстая (в замужестве Остен-Сакен), а также близкий дому Толстых по духу человек Татьяна Александровна Ергольская. Все дети Толстых получили прекрасное домашнее образование. Лев Николаевич три года готовился к вступительным экзаменам в Казанский университет по турецко-арабскому разряду философского факультета, был в 1844 году принят, потом перешел на юридический факультет⁹ (ректором университета в то время был математик Лобачевский, а губернатором Казани – родной дед Льва Николаевича), но через два года, получив в наследство Ясную Поляну, решил прекратить учебу и заняться самообразованием.

Великолепие этого дома, в котором прошло «яркое, нежное, поэтическое, любовное и таинственное» детство Льва Николаевича, посетители Ясной Поляны могут себе только представлять, вчитываясь в строки произведений Толстого. Писатель вывел его на страницах дневников и произведений как место, согревавшее его в младые лета. «Ласковый, милый, старый» дом – таким предстает он на страницах трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность».

Камень на месте дома, в котором родился Л.Н. Толстой

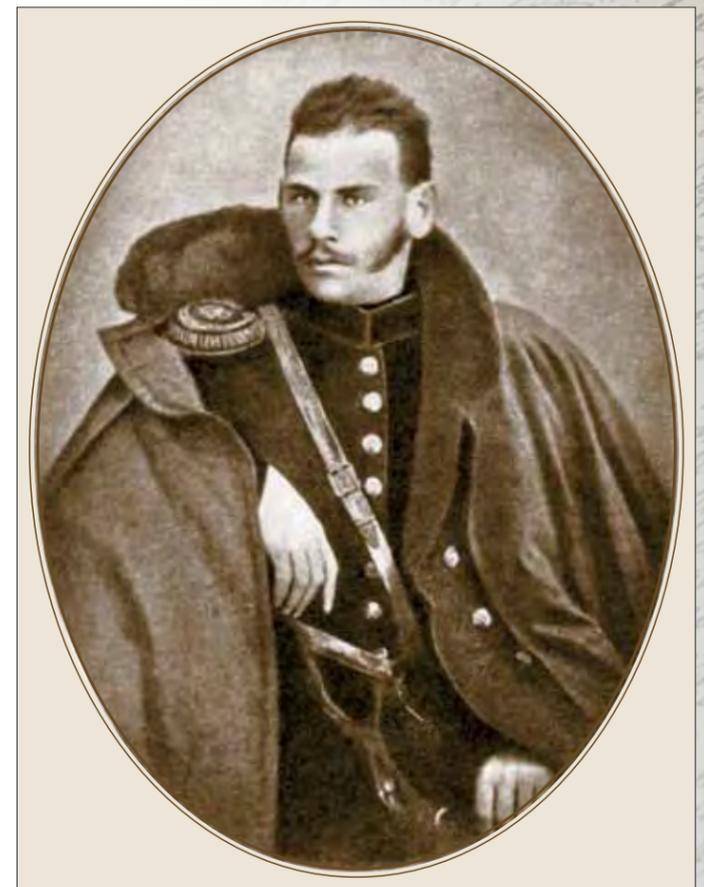
В 26 лет служившему на Кавказе Толстому пришлось расстаться с этим великолепным зданием из-за огромного по тем временам проигрыша в карты. В 1854 году строение было разобрано и перевезено за 30 верст в село Долгое. Для начинающего писателя случившееся стало потрясением, горьким уроком, побудившим его к дальнейшему самовоспитанию и сознательному отказу от карточной игры. Именно тогда он понял, как одним мгновением неосторожно можно перечеркнуть все, что создали предки. Это был один из моментов начала нравственного совершенствования Толстого. Происшествие не сломило, а дало пищу глубочайшему размышлению. (Яснополяны до сих пор с гордостью подчеркивают, что Лев Николаевич стал одним из немногих представителей своей эпохи, сумевшим победить пагубное пристрастие к карточной игре. При том, что игра была в те времена нормой офицерской жизни.) Теперь о существовании крупной ампирной постройки свидетельствует лишь установленный на ее месте мемориальный камень.

Что такое искусство

О творчестве и жизни Толстого в Ясной Поляне подробно рассказывает экспозиция «Что такое искусство» во флигеле Кузминских. Здесь, приезжая погостить, останавливалась с семьей свояченица Льва Николаевича Татьяна Андреевна Кузминская (Берс), которую исследователи считают одним из прототипов Наташи Ростовской. Здесь все так живо, что кажется, вот сейчас из окна комнаты донесется ее веселый смех, так нравившийся писателю. Именно сюда от дома Волконского приводит посетителей старинная жимолостная аллея.

Автор концепции выставки, консультант по педагогическому наследию Л.Н. Толстого Ирина Александровна Трухачева отмечает, что любимой мыслью Льва Николаевича было то, что у художника всегда побеждает правда чувства, хотя свои образы он может лепить из чего угодно. Другой человек всегда почувствует искренность, эмоциональную открытость автора. Чем искреннее и талантливее художник, тем заразительнее его искусство: так в своем позднем трактате «Что такое искусство» сформулировал определение этого способа передачи чувств Лев Николаевич Толстой.

Все предметы в экспозиции «извлечены» из художественных произведений, дневников, писем Льва Николаевича. На выставке нет того, что напрямую не связано с Толстым. Представленные

А.Н. Толстой – прапорщик. Москва, 1854. Фото с дагерротипа

в витринах предметы «эмоционально тянут нужные чувства». За три года подготовки экспозиции сотрудники музея тщательно изучили двадцать лет жизни писателя, от начала творческой деятельности до завершения работы над «Войной и миром», которая теперь знакомит с интереснейшим периодом «набора информации» для романа. Писать Толстой начал, когда почувствовал, что количество уже может перерасти в качество. Неслучайно в частном письме другой своей тетушке Александре Андреевне Толстой в эти годы написал: «Я вырос ужасно большой»... Начался процесс переработки и выдачи в виде художественных образов событий, ситуаций, эмоциональных сцеплений. Его объемно и выпукло представляет удачно составленная экспозиция.

По мнению Ирины Александровны Трухачевой, ограниченность в свободе передвижения, связанная с появлением семьи, компенсировалась необычайной интеллектуальной, умственной свободой писателя. На выставке во флигеле Кузминских не случайно представлена книга из личной библиотеки Л.Н. Толстого – биография автора «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, составленная Элизабет Гаскелл. Героиня романа – гу-

вернантка из бедной семьи; описавшая ее судьбу Шарлотта Бронте – дочь бедного священника. У обеих была суровая, лишенная внешних событий жизнь. Бронте, как и Толстой, компенсировала творчеством отсутствие страстей в жизни. Именно внешняя ограниченность побудила Толстого к такому огромному духовному выплеску. Работа над романом «Война и мир» – шесть лет колоссального творческого напряжения и безудержного творческого счастья. Все свои возможности, ожидания, фантазии он воплотил в романе. Иван Алексеевич Бунин отмечал, что «Война и мир» написана одним из самых необычных людей, когда-либо живших на Земле.

Творческое, эмоциональное напряжение в процессе создания этого монументального литературного труда было столь огромным, что физически хорошо подготовленный Лев Николаевич – писатель до восьмидесяти двух лет ездил верхом на лошади и ежедневно занимался физическими упражнениями – едва дотягивал до конца работы. Дописывал его «еле-еле, уже на сигарах». Дорогие крепкие сигары Льву Николаевичу посылал основатель и владелец журнала «Русский архив» Петр Иванович Бартенев. Сигары, поддерживавшие Толстого, тоже являются частью экспозиции во флигеле Кузминских.

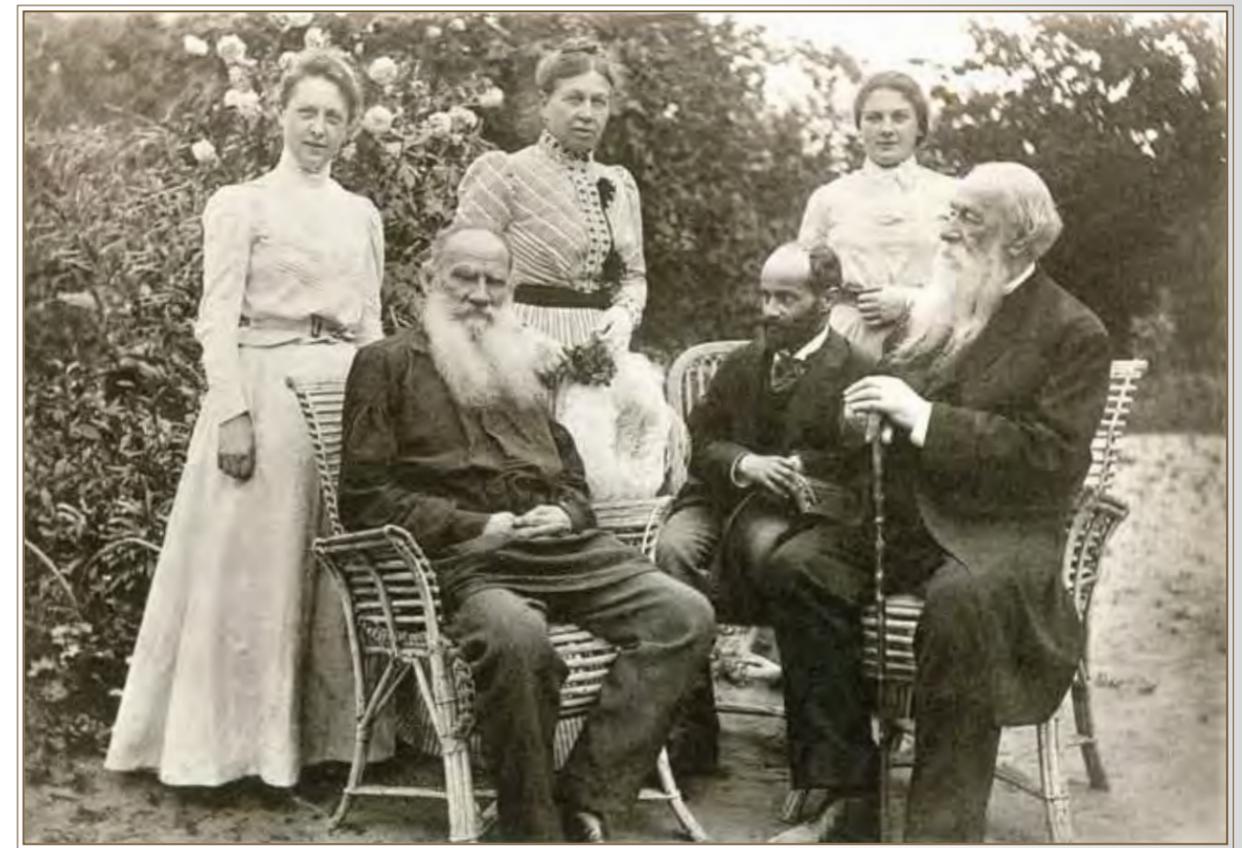
Работа над произведением, где двести из пятисот литературных персонажей были реальны-

ми историческими лицами, завершилась эмоциональным опустошением, периодом, который вылился в так называемый «арзамасский ужас».

Льву Николаевичу во время работы над романом «Война и мир» помогали многие. Материалы поступали от частных лиц, в том числе литераторов из окружения Пушкина. Знали, что отдадут их в надежные руки. Он бы не справился без помощников, без пушкинских друзей, близких знакомых – Михаила Петровича Погодина, Владимира Федоровича Одоевского, Сергея Александровича Соболевского. Косвенно сам Пушкин участвовал в этой работе. «Войну и мир» создавали всем миром.

«Когда я писал раньше художественные произведения <...> как это было трудно!»¹⁰ – признавался Лев Николаевич на склоне лет. (В 1890-е годы он поставит себе задачу избавиться от «художественности» и «ложного умствования», писать так, чтобы Ванечке и дворнику было понятно. «А если нет, то ищи, в чем заврался».)

Толстой собирал свой роман не только из личных впечатлений, представлений об исторических лицах, простых людях, но и из дневников и писем, исторических и художественных книг. Архивами пользовался в основном личными, не государственными. К историческим произведениям относился весьма скептически, брал оттуда только фактические материалы. Все исторические

И.Я. Гинзбург и В.В. Стасов у Толстого в Ясной Поляне. Фото С.А. Толстой. 9 августа 1900 г.

оценки делал сам. Из людей, писавших о войне 1812 года, доверял, например, Денису Давыдову, говоря, что тот первым дал «тон правды». Относился к его книгам – они есть в яснополянской библиотеке, и их можно увидеть на выставке во флигеле Кузминских – с огромным уважением.

В старости Толстой порицал «подлое двадцатилетие, полное порока, страстей, отвратительного поведения»... Но именно оно оказалось самым замечательным, ярким в его жизни. Из этого периода спустя годы вышли кавказские произведения Толстого – малые шедевры «Казачьи», «Хаджи Мурат»; роман «Анна Каренина».

О глубинной работе мысли Толстого, его духовном росте можно узнать из дневников, которые писатель вел на протяжении всей жизни. В них он тщательно фиксировал, без жалости к себе анализировал жизнь собственной души, что привело Льва Николаевича к открытию знаменитого «психологического метода». Именно из дневников выросло и его первое произведение «История вчерашнего дня». Прерывался только, когда создавал крупные произведения. Дневник в таком случае был не нужен. Позже писатель

решал, что делать со своими ранними дневниками. Стоял даже вопрос об их «смертной казни». Но Толстой свои ранние дневники пожалел, потому что знал, какую огромную работу он тогда совершил – духовную, эмоциональную. Там он писал откровенно о своих недостатках, параллельно себя все время воспитывая. Сам же потом сказал: «Просто я все время подчеркивал и выпячивал только самое гадкое, что во мне было, чтобы самому обращать на это внимание».

Еще один источник для тех, кто хочет больше узнать о Толстом и лучше его понять, – эпистолярное наследие. Лев Николаевич не любил телеграф – он был для него одним из признаков ложной цивилизации. Но никогда нигде не обмолвился он недобрым словом о почте. Уметь писать и хранить письма – это была часть культуры позапрошлого века. За свою долгую жизнь Толстой отправил более 10 тысяч писем и получил 50 тысяч. Для нас сегодня это бесценный первоисточник его художественных образов и сюжетов, первосвидетельство о событиях и переломных вехах его внешней и внутренней жизни, о его постоянной требовательности к себе¹¹.

¹⁰ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. Вступительная статья Л.Д. Опульской. С. 3–5.

¹⁰ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. С. 311.

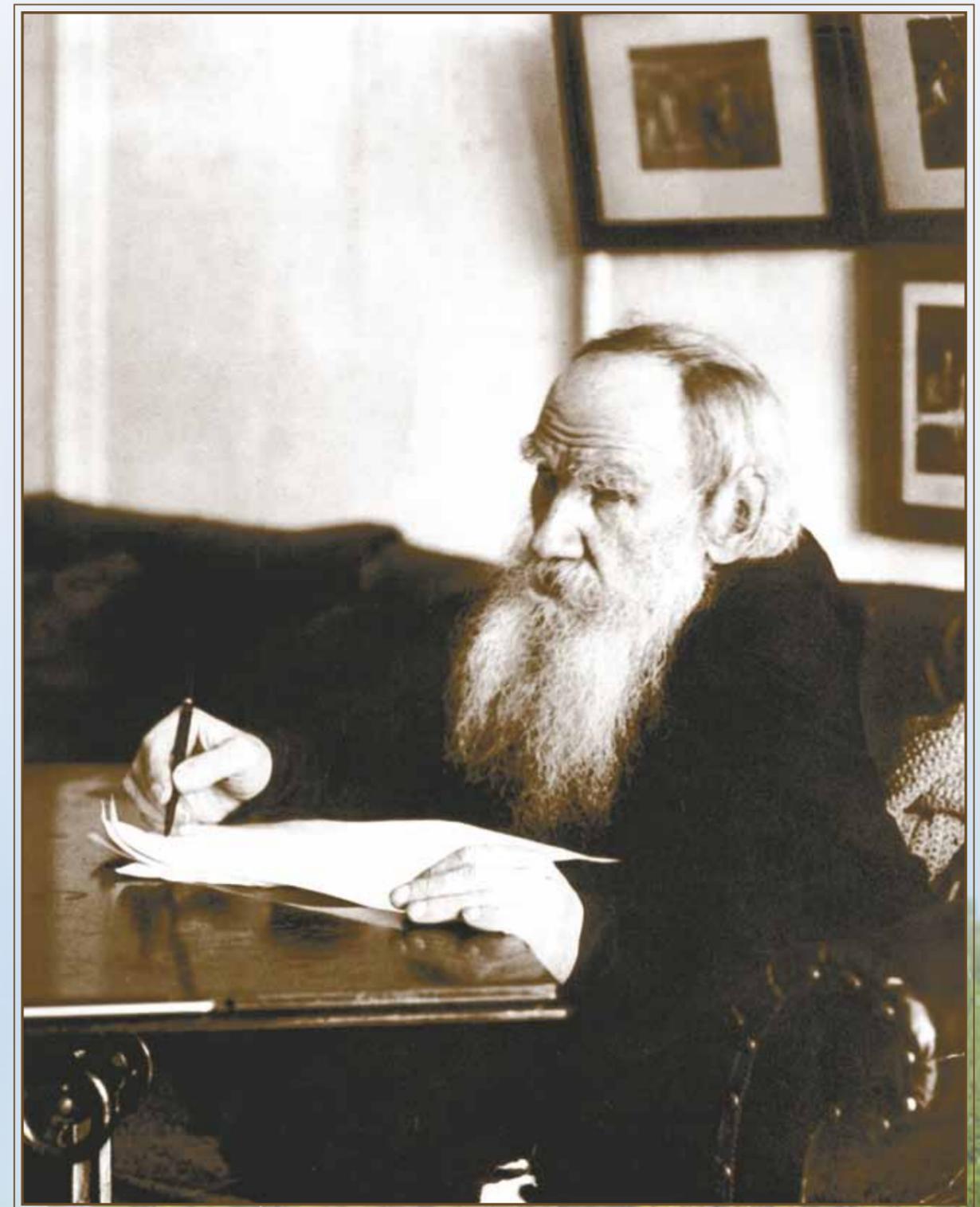
«Толстой боролся с ленью, бесхарактерностью и раздражительностью, – рассказывает Ирина Александровна. – Мы никак не можем понять, глядя на статичного “деда” с фотографий, писавшего “скучные” моралистические статьи, чем он цеплял своих современников, тех, кто приезжал к нему в Ясную Поляну. В письме к Л.Н. Толстому от 3, 4 апреля 1868 года. Погодин напишет: “Славный вы человек, прекрасный талант... Прекрасно, прекрасно... Ах – нет Пушкина! Как бы он был весел, как бы он был счастлив и как бы стал потирать себе руки. – Целую вас за него и за всех наших стариков. Пушкин – и его я понял теперь из вашей книги яснее, его смерть, его жизнь. Он из той же среды...” Но и при изучении моралистических статей Толстого ощущается напряжение философской мысли, точно так же как и при чтении “Войны и мира”. До позднего Толстого надо дойти. К нему нужно приблизиться. Чтобы понять старого, приближаться нужно через молодого.

“Иногда кое-что мне виделось во мне...” Самопознание было главной движущей силой его жизни. Эта экспозиция заставила по-другому отнести к творчеству Толстого, не жить стереотипами, а разрушать их. Увлекаясь творческим полетом, идти вслед за ним, открывать что-то новое, неизведанное. Работая с выставкой, мы столкнулись с удивительной человеческой реакцией. Все то, что в советский период чванливо осуждалось или конфузливо умалчивалось, не вызывает у современных посетителей Ясной Поляны отторжения. Мы честно говорим им о пристрастии к карточной игре, о женщинах, с которыми он тогда общался (девушки дворянские в тот период мало занимали его), о других его поступках (что он дрался, бил и слуг бывало, потом сам плакал и деньги давал)... Выходит, что чем откровеннее и честнее говоришь о Льве Толстом, тем больше сочувствия вызывает он у слушателей. И легче становится общаться с ним. Стена хрестоматийного глянца (даже не глянца – это уже некое окаменевшее наложение, отчуждение классика) перестает мешать общению с ним. Убирая ее, мы видим живого человека, меняющегося, ищущего,

мечущегося... “Чтобы жить честно, надо путаться, рваться, начинать и бросать, а спокойствие – душевная подлость”, – Толстой часто говорит об этом в дневниках, письмах. Такие откровения оказываются исключительно понятными людям. Писатель становится очень близким им. Своей выставкой мы приближаем его к людям на “эмоциональных узлах”, – ведь человек легко сходится с тем, с кем у него есть что-то общее».

Открытость – людям, событиям, миру – является символом Ясной Поляны. Даже во время реставрации в доме Л.Н. Толстого музей работал. «Мы его не закрывали, хотя специалисты из министерства культуры считали, что нужно вынести вещи, сделать серьезную реставрацию, потом вернуть вещи на место... Но я знаю примеры того, как это происходило в других музеях... Неуловимо исчезает дух жилого дома, если делается тотальное обновление. Мы потихонечку, аккуратно очистили от краски деревянные поверхности (их стали окрашивать, как парты в школах, в темно-коричневый цвет в сороковые годы, после войны. Видимо, тогда не было другой возможности поддерживать их в надлежащем состоянии), лестницы, подоконники – и дом сразу ожил. Реставраторы, сняв старый слой краски, вернули нам живое дерево, – говорит Владимир Ильич. – Ясная Поляна – это не музей “про Льва Толстого”, это место, которое продолжает жить. Раньше в Ясной Поляне были сады, опутанные чуть ли не колючей проволокой. Мы все это разгоразживали, снимали заборы, какие-то барьеры во всех смыслах между Ясной Поляной и людьми. Существовали, например, запреты для жителей деревни. Детям из деревни запрещали купаться в пруду, людям запрещали косить сено для своих коров... Система разумных ограничений, конечно, есть и сейчас. Это музей-заповедник, и мы оберегаем природу, ландшафт, но это нельзя делать через запретительные меры... Мы просто открылись и людям, живущим здесь, и приезжающим. Для меня очень важна открытость Ясной Поляны. Чтобы атмосфера была приветливая, неказенная... Мы, конечно, вынуж-

*Л.Н. Толстой в рабочем кабинете. ▶
Фото В.Г. Черткова. 27 марта 1909 г.*

Вид на дом Толстого со стороны южного фасада

дены в доме Л.Н. Толстого сохранять какие-то веревочки, стеклянные колпаки, хотя свели систему ограничений к минимуму. Это необходимо просто потому, что очень много предметов – и мелких предметов – у нас находится в открытой экспозиции. Мы вынуждены их оберегать».

Приют писателя

«Вечность всегда носит одежды своего времени. Одеждой для Толстого был, конечно, его дом, ставший формой души, условием ментального равновесия. Толстой, кажется, был бы менее познаваем, если бы не его дом в два этажа на зеленой поляне, утопающий в зелени кустов сирени, среди бесчисленных цветников, аллей, партера. Этот дом и облачает, и разоблачает его одновременно»¹².

Дом, в котором Лев Николаевич Толстой прожил более полувека, сохраняется музейными работниками таким, каким он был в 1910-м, последнем году жизни писателя. Это решение было принято еще при жизни его вдовы Софьи Андреевны. Все вещи, предметы, посуда, одежда, здесь подлинные, нет никаких копий или стилизаций. Все они видели, слышали и жили вместе со Львом Николаевичем Толстым. И, наверное, недаром Дом Толстого входит в сотню лучших мемориальных музеев мира.

Правда, более раннюю атмосферу дома, в период создания романа «Война и мир» (сразу после женитьбы на восемнадцатилетней Софье Андреевне Берс – среди детских распашонок и малинового варенья), здесь уже не увидишь. Тема семейной жизни

¹² Никитина Н. Ясная Поляна. Путешествие со Львом Толстым. С. 55.

А.Н. Толстой верхом на фоне террасы яснополянского дома. 23 июня 1900 г. Фото С.А. Толстой

в доме Толстого редуцирована. Стены и вещи свидетельствуют лишь о печали, тяжелых размышлениях, желании писателя и философа покинуть Ясную Поляну.

После 15-летнего согласия и благополучия в семье Льва Николаевича наступил более чем 30-летний внутренний разлад. Смерть семилетнего Ванечки усилила боль непонимания. Эта боль – в его книгах, дневниках и письмах.

В середине 1870-х, когда читатели ждали в журнале продолжения «Анны Карениной», Толстой пишет брату об унынии, старости, «остановке жизни». Духовный кризис привел к перелому в мировоззрении. Семья была территорией высокого напряжения. «...Вдвойне страдаю от жизни и от раскаяния. Неужели так надо? Так в этих мучительных условиях надо дожить до смерти?» (Из неотправленного письма 1885 года.)

На крыльце С.А. Толстая, на «линейке» – сыновья писателя Андрей Львович, Михаил Львович и кучер. Северный фасад дома. Лето 1896 г.

Зал «Уголок серьезных разговоров»

Из дневника 1889 года: «Надо все дело жизни сосредоточить на любовном воздействии на Соню».

Из письма к Софье Андреевне 14 июля 1910 года: «...мое отношение к тебе и моя оценка тебя такие: как и смолodu любил тебя, так я, не переставая, несмотря на разные причины охлаждения, любил и люблю тебя. Причины охлаждения эти были <...> во-первых, все большее и большее удаление мое от интересов мирской жизни и мое отращение к ним, тогда как ты не хотела и не могла расстаться с ними, не имея в душе тех основ, которые привели меня к моим убеждениям, что очень естественно и в чем я не упрекаю тебя <...> не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что

духовная жизнь каждого человека есть тайна этого человека с Богом, и требовать от него другим людям ничего нельзя. И если я требовал от тебя, то ошибался и виноват в этом...»

«...Положение мое в доме становится – стало невыносимо. Кроме всего другого, я не могу больше жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста – уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни... Благодарю тебя за твою честную сорокавосьмилетнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всем»¹³, – пишет Лев Николаевич в своем последнем письме к жене 28 октября 1910 года.

¹³ Ясная Поляна. Статьи. Документы под ред. И.И. Минца, С.А. Толстой-Есениной. Огиз: Госполитиздат, 1942. С. 88.

Вещи Толстого – это своеобразные “сообщения”, “средства общения”, чуткий “сейсмограф” свойств и оттенков духовной жизни великого человека...»¹⁴ – читаем в книге Н. Никитиной «Путешествие со Львом Толстым».

В противоречие с принятым на склоне лет решением о простой жизни вступает лишь самая большая комната – зала на втором этаже. Правда, противоречие является скорее историческим, поскольку помещение – это пристройка, сделанная уже позже; остальные идущие анфиладой комнаты дома, бывшего некогда флигелем, очень малы и построены еще при деде писателя – в конце XVIII века.

В последний год жизни Лев Николаевич часто тяготился необходимостью присутствия на обильных семейных обедах и ужинах, что не укладывалось в выработанные им для себя правила.

В зале, украшенной портретами членов семьи Льва Николаевича и предков, когда-то и обедали, и ставили домашние спектакли, которые в семье Толстых были популярны. За круглым столом по вечерам устраивались домашние чтения, часто заканчивавшиеся музицированием. Толстые, в том числе и сам Лев Николаевич, или гости играли на двух роялях, размещенных в зале. Знаменитых музыкантов (в доме бывали композиторы и пианисты Сергей Иванович Танеев, Александр Борисович Гольденвейзер) писатель предпочитал слушать, сидя в розовом кресле, поставленном между музыкальными инструментами. Музыка часто слушал со слезами на глазах, не стесняясь выражения своих чувств. «...Если кому приходилось быть свидетелем глубокого воздействия на Толстого именно симфонической музыки, для того совершенно ясно, что его парадоксы вмещают нечто гораздо более тонкое и обширное, чем то, что в его собственных толкованиях на виду у публики»¹⁵.

Дом Льва Николаевича Толстого в конце жизни (особенно кабинет и спальня писателя) производит впечатление скорее жилища аскета, нежели графа. «Интерьеры просты и безыскусны. Они сродни своему владельцу. Но именно они, от которых он многому научился, передают психологию его творчества, “ретранслируют” его фамильную и историческую память...

¹⁴ Никитина Н. Ясная Поляна. Путешествие со Львом Толстым. С. 64.

¹⁵ Рерих Н.К. Химават. Самара, 1995. С. 62.

Столик с шахматами в зале ▶

Гостиная

За залой следует небольшая комната, которую при Толстом называли «комнатой тетушки Ергольской». Именно она, Татьяна Александровна Ергольская, первой разглядела дар маленького Левушки и собственноручно сшивала своему воспитаннику тонкие тетради, в которые будущий писатель записывал свои первые рассказы о дедушке Волконском.

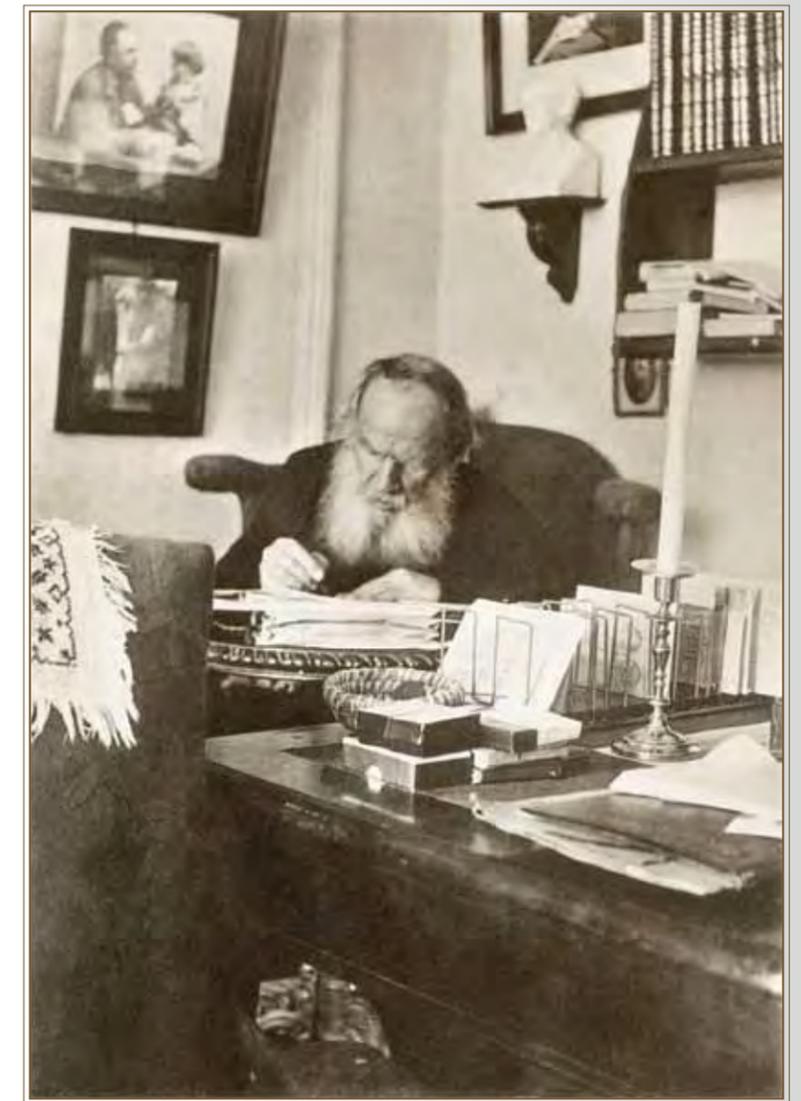
За хорошее поведение маленький Левушка, его братья и сестра получали от тетушки финики и пряники – из сохранившегося в интерьере шифоньера. В качестве меры поощрения тетушка использовала и разрешение посидеть на диване, набитом сухими морскими водорослями.

Следующая комната – святая святых для любого посетителя Ясной Поляны. Это кабинет Льва Николаевича, в котором он работал последние восемь лет своей жизни. Кабинет не раз «перезжал» из комнаты в комнату, но свидетель всех его творческих мыслей – письменный стол – обязательно следовал за писателем.

Лев Николаевич никогда не писал по ночам. Приходил в кабинет утром и работал до двух-трех часов дня, раскладывая черновики не только на столе, но и на кресле, диване... В это время никто не имел права заходить к нему. К двум часам дня домашние наблюдали, из какой двери выйдет Толстой: если в сторону залы, то своей работой

Вид из кабинета А.Н. Толстого на балкон ▶

Л.Н. Толстой за работой. 3 ноября 1909 г. Фото С.А. Толстой

он доволен и будет принимать участие в семейном обеде; если в сторону спальни – все придется переделывать, значит, пойдет в конюшню, запряжет лошадь и поедет общаться с природой.

В кабинете находится знаменитый черный кожаный диван, на котором Лев Николаевич Толстой родился. Именно его писатель изобразил в романе «Война и мир» в сцене приближения родов маленькой княжны: «Через пять минут княжна из своей комнаты услышала, что несут что-то тяжелое. Она высунулась – официанты несли для чего-то в спальню кожаный диван, стоящий в кабинете князя Андрея. На лицах несших его людей было что-то торжественное и тихое»¹⁶. Время оставило следы на этом раритете: во время войны его порезали ножом, когда в доме Толстого была устроена казарма для немецких солдат, но музейным работникам удалось спасти диван.

Последняя в анфиладе комната, самое сокровенное пространство, – спальня Толстого. Здесь по утрам он занимался за-

¹⁶ Толстой Л.Н. Война и мир. Роман в 4-х т. Т. 1–2. М., 1983. С. 355.

рядкой, о чем свидетельствуют гири в углу. Здесь же находится умывальный прибор (в доме никогда не было водопровода и центрального отопления). Только в этом помещении можно увидеть настоящую, очень простую одежду Льва Николаевича. Кажется, что он только что вышел из комнаты, на дверце шкафа висит его блуза – знаменитая «толстовка», на стуле – кофта, рядом – холщовый халат, его он любил надевать по утрам, когда умывался.

Комната отражает метаморфозу, произошедшую с Толстым. В молодые годы граф Лев Николаевич одевался у лучших московских портных, о человеке он мог отозваться пренебрежительно лишь потому, что тот не носил белых перчаток и не говорил по-французски. Со временем у него в дневнике появилась запись: «Одна из ошибок людей заключается в том, что человек неправильно распределяет свое жизненное время. И в тот момент, когда

Диван, на котором родился А.Н. Толстой

можно было бы изучить лишний иностранный язык, человек занимается пошивом лишнего комплекта одежды».

В 1910 году Льву Николаевичу, как свидетельствуют записи из дневника его последнего секретаря, близки такие мысли: «Всякий человек всегда находится в процессе роста, и потому нельзя отвергать его. Но есть люди до такой степени чуждые, далекие в том состоянии, в котором они находятся, что с ними нельзя обращаться иначе, как так, как обращаешься с детьми – любя, уважая, оберегая, но не становясь с ними на одну доску, не требуя от них понимания того, чего они лишены»¹⁷. «По-моему, безумие – это невосприимчивость к чужим мыслям»¹⁸.

Деление людей на «понимающих» и «непонимающих» родилось у Толстого очень рано: «Трудно и даже мне кажется невозможным разделять людей на умных и глупых, добрых, злых; но понимающий и непонимающий – это для меня такая резкая черта, которую я невольно

¹⁷ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. С. 305.

¹⁸ Там же. С. 275.

провожу между всеми людьми, которых знаю» (Из не вошедшей в печатный текст 34-й главы «Детства») ¹⁹.

С годами его письма к непонимающим или понимающим не в полной мере становятся все более терпеливо-сочувственными. Старообрядке М.И. Ершовой, которая негодует по поводу проповедуемого им религиозно-нравственного учения («...я застрелила бы вас за ваши богохульные послания...»), Лев Николаевич отвечает: «Боюсь, что недобрые чувства ваши ко мне вызваны какими-нибудь резкими словами о предметах, кои вы считаете священными. Если это так, то очень жалею о том, что не сумел сказать то, что желал, не оскорбив никого. И прошу вас простить меня если это так. (1909 г., февраля 16)». А вот письмо из Ясной Поляны к Бернарду Шоу: «...в вашей

книге я вижу желание поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. <...> Во всяком случае думаю, что эта книга ваша выражает ваши взгляды не в полном и ясном их развитии <...> Думаю, что взгляды эти, все более и более развиваясь, придут к той единой истине, которую мы все ищем и к которой мы все постепенно приближаемся. (1908 г., авг. 17)»²⁰.

Живой отклик вызвала у Льва Николаевича цитата из чеховского рассказа «Крыжовник», которую прислал ему в письме Н.Н. Гусев: «Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель – вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом». «Как хороша ваша выписка из Чехова, – радуется Толстой в ответном письме 25 февраля 1910 года. – Она просится в “Круг чтения”»²¹.

¹⁹ Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. Вступительная статья Л.Д. Опульской. С. 9.

²⁰ Письма Льва Николаевича Толстого. Изд-во «Окто», 1912. С. 302, 285.

²¹ Там же. С. 345.

Спальня А.Н. Толстого

Комната «под сводами»

«Самоуглубление не скучная вещь, потому что оно плодотворно... И сколько такой внутренней работы над собою предстоит каждому человеку! Мне восемьдесят два года, но и мне предстоит много работы над собой. Мое положение представляется мне иногда как положение землекопа перед огромной кучей, массой еще не тронутой земли. Эта земля – необходимая внутренняя работа. И когда я делаю эту работу, то получаю большое удовольствие»²², – приводит его слова В. Булгаков.

Любил слова Шопенгауэра: «Когда остаешься один, то надо понять, кто тот внутри тебя, с кем ты остаешься»²³. «Любовь это соединение душ, разделенных телами друг друга. Любовь это одно из проявлений бога, как разумение – тоже одно из его проявлений... Посредством любви и разумения мы познаем бога, но во всей полноте существо бога нам не открыто. Оно не постижимо... в любви мы стараемся познать божественную сущность»²⁴.

«Этические принципы Толстого, – пишет в своей книге “После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века” Я.С. Лурье, – имели своим источником Библию: моисеево десятизаконие (прежде всего – “Не убий”), ветхозаветную заповедь “Возлюби ближнего своего, как самого себя”²⁵ и, в особенности, евангельский завет непротивления злу насилием. Эти слова Толстой понимал прямо и буквально. Его оппоненты, стоя теоретически на тех же религиозных позициях, отвергали такое понимание, считая, видимо, что библейские заповеди имеют не прямой, а какой-то иной – символический, или иносказательный, – смысл. Но почему их нужно было толковать таким образом? Для Толстого это было неприемлемо. Даже в “Исповеди”, даже в своих религиозных сочинениях он писал, что если требования его ума не беспредельны, то все же они правильны. “Без них я ничего понять не могу: я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось как необходимость разума же, а не как обязательство поверить...”»²⁶

²² Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. С. 319.

²³ Там же. С. 317.

²⁴ Там же. С. 292.

²⁵ Левит, XIX, 18.

²⁶ Лурье Я.С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб: Дмитрий Буланин, 1993.

◀ Л.Н. Толстой. Ясная Поляна, июль 1906 г. Фото С.А. Толстой

Считая себя христианином, Лев Николаевич интересовался и другими религиозными направлениями. Готовил к публикации в издательстве «Посредник» серию брошюр о философах и философии Индии. Этот интерес сохранился у него до самых последних дней. Лев Николаевич хорошо знал такие грандиозные произведения, как «Махабхарата» и «Рамаяна», состоял в переписке с индийскими учеными кругами.

В библиотечной комнате дома собраны книги на разных языках, которые Лев Николаевич Толстой собирал на протяжении жизни. Домашнюю библиотеку в Ясной Поляне начал собирать еще его дед, за ним – мать Льва Николаевича Мария Николаевна. Но сын превзошел их всех. К концу жизни в Ясной Поля-

День рождения жены писателя. 22 августа 1898 г. Фото С.А. Толстой

«Верхняя библиотечная» в яснополяском доме Л.Н. Толстого

не было собрано двадцать три тысячи «нужных» книг, которые размещались в двадцати восьми шкафах. В библиотечной представлены только девять из них – с книгами, имеющими пометки Льва Николаевича на полях.

Толстой говорил, что человек остается человеком только тогда, когда еще не потерял стремления к учебе. Знавший тринадцать языков граф Толстой в восемьдесят лет приступил к изучению японского языка. Правда, не справился, но попытка отражает его непреходящее стремление к познанию.

В 1885 году Лев Николаевич отказался от мяса. Ранее заядлый охотник, после пятидесяти лет он перестал охотиться.

В поисках зеленой палочки

Пожалуй, одним из неизменных интересов, сохранившихся до конца жизни, был интерес писателя к воспитанию детей.

«Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех, тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они

кишат в каждой школе»²⁷, – пишет он в письме к А.А. Толстой в декабре 1874 года. Эта забота Льва Николаевича символична – она родилась по возвращении его домой с двух войн – на Кавказе и в Крыму. Запечатленные в памяти картины массового разрушения и убийств привели не только к созданию мировых литературных шедевров, но и к желанию учить детей.

Открыв свою первую, уникальную по тем временам школу для крестьянских детей, Лев Николаевич три года проработал в ней учителем. Всего Толстой открыл двадцать одну школу. Уроки чтения, рисования, письма, Закона Божьего, биологии, географии проходили интересно, с привлечением всевозможных современных для того времени пособий. Их можно видеть на выставке «Что такое искусство». Детей учил без принуждения и наказания. Учитывал, что в крестьянских

семьях обычно просыпались в четыре часа утра и к девяти успевали устать, поэтому разрешал детям писать сочинения, лежа на животе на полу. Специально для своих учеников Толстой написал азбуку, по которой потом выучились два миллиона детей. Книга эта выдержала 21-е издание.

Толстовское отношение к детям составляет основу музейной педагогики яснополянцев. Здесь создана детская общественная организация и сад «Муравейное братство».

«Работы же у меня в эту зиму было и есть очень много – роман, новая азбука, которая теперь печатается, другие еще работы и особенно дело, практическое, которое я веду в уезде и результаты которого необыкновенно хороши»²⁸, – пишет Лев Николаевич в письме к П.Д. Голохвостову в марте 1875 года.

Имение Ясная Поляна входило в Крапивенский уезд, память о деятельности Льва Толстого здесь до сих пор жива. Уцелел в стороне от промышленных центров и железной дороги и тот самый уездный город, на гербе которого по велению Екатерины Великой уже третье столетие подряд красуется изображение крапивы, ставшей символом возрождения маленькой Крапивны. На улицах процветавшего некогда уездного города, давно утратившего свой городской статус, как будто бы дремлет неспешный девятнадцатый век, а старинные купеческие дома и улицы хранят секреты славной истории. Вот здание земской управы, дворянского собрания, гимназии, земского суда и больницы, полицейского управления... Дел в уезде у Льва Николаевича Толстого было предостаточно – он открыл здесь 21 школу для крестьянских детей, служил мировым посредником по крестьянским делам в уездном суде, был гласным в уездном собрании и членом училищного совета, борющимся за дело народного образования в Тульской губернии.

Вот уже семь лет музей «Ясная Поляна» продвигает на местном, российском и международном уровне идею возрождения уездного города Льва Толстого как города-музея под открытым небом, способного стать в перспективе крупным культурным, образовательным и туристическим центром. Главная забота музея и его партнеров – сохранить целостный культурный ландшафт Крапивны, скромное обаяние русского провинциального городка второй половины XIX столетия, узнаваемого по рассказам Успенского, Чехова и Салтыкова-Щедрина. Как ни парадоксально, Крапивна уникальна сво-

Занятие для детей в отделе народного творчества музея-усадьбы А.Н. Толстого

ей типичностью и причастностью к делам Гения. Заведующая отделом развития музея Любовь Александровна Кравчина увлеченно рассказывает о ежегодных благотворительных проектах музея и крупнейшей аудиторской компании «ПрасвотерхаусКуперс»; о действующем проекте Евросоюза, позволившем организовать разработку проектов реставрации памятников с участием лучших российских и немецких специалистов; о том, как готовили к открытию помещение «английского» клуба, учрежденного ровно 150 лет назад крапивенскими дворянами да купцами, для нынешних жителей Крапивны.

С жизнью и творчеством великого писателя связаны многие места в России, а в Тульской области – особенно. Вот уже около пятнадцати лет нынешний директор музея «Ясная Поляна» занят «сбором» толстовских усадеб и памятных мест, открывая один за другим филиалы знаменитого музея, зачастую в самой российской глу-

бинке, наполняя их новой жизнью. Постепенно обустраиваются бывшие толстовские усадьбы в Пирогово, Покровском и родовом Никольском-Вяземском; отреставрирована историческая железнодорожная станция близ яснополянской усадьбы; в этом году появился новый филиал в Калужской области – бывшее имение сына писателя в Дубровке.

Музеем создана целая система обустройства толстовских мест, в которой главное место отводится изменению условий жизни местного населения. Благодаря музею жители окрестных сел и городков имеют возможность получить постоянную работу, образование, реализовать себя в профессии или на междисциплинарном поле.

Деятельность яснополянцев широка и многообразна, потому что опирается на мощь и широту наследия великого писателя. Музей реализует самые разные проектные инициативы – от курсов русского языка для иностранцев до международного фестиваля Крапивы в уездном городе и съезда потомков Толстого; от семинаров для текстологов и переводчиков Толстого до фестиваля лоскутного шитья и ежегодных писательских встреч под Веймутовой сосной перед Домом писателя... Праправнук Толстого унаследовал семейную склонность к «поэзии порядка». Выстраивать, восстанавливать естественную усадебную инфраструктуру Ясной Поляны приходится постепенно, преодолевая знакомые многим музеям ограничения, связанные с официальными представлениями о целевой и «нецелевой» музейной работе.

«Мы строим усадьбу» – занятие для детей проводят сотрудники отдела музейной педагогики

Фестиваль Крапивы в г. Крапивна Щекинского района Тульской области. 2007

²⁷ Ясная Поляна. Статьи. Документы под ред. И.И. Минца, С.А. Толстой-Есениной. С. 65.

²⁸ Там же.

По масштабам деятельности, сфере влияния Ясную Поляну смело можно назвать мегамузеем. «Слово “мегамузей” для Ясной Поляны придумал я сам, – рассказывает Владимир Ильич. – Не знаю, насколько оно точное, но смысл, который я в этот термин вкладываю, действительно относится к Ясной Поляне. Мегамузей – это музей со значительно расширенными представлениями о функциях этого учреждения культуры. По закону о музеях и музейном фонде наша задача сводится к достаточно узкому набору функций: собирать, хранить и представлять музейные предметы. Это, наверное, самое важное, но для современной России, с моей точки зрения, это абсолютно недостаточное представление о назначении музея. Потому что музеи сегодня стали хранителями национальной памяти, центрами собирания людей, которым хочется глотнуть чистой воды и свежего воздуха. Почти вымерли сельские дома культуры, довольно жалкое существование владели до последнего времени сельские библиотеки. Если это не так заметно в крупных городах, то на периферии, в провинции, в Центральной России, даже в двустах километрах от Москвы, очень заметно. И Ясная Поляна, Куликово Поле, Поленово, если говорить о нашем регионе, взяли эти функции учреждений культуры на себя. Для музеев-заповедников единственно правильный путь – становиться такими мегамузеями, крупными, серьезными культурными центрами, где не затихает биение жизни, где оживает история, “вспоминается” культура прошлых столетий.

Такие места, как Ясная Поляна, не должны меняться, подражать, подстраиваться под время, а сохранять и восстанавливать культуру прежних отношений. Хотя бы для того, чтобы люди, вырывающиеся из тисков большого города и приезжающие сюда на пару часов, «почувствовали разницу». Они минуют башни въезда, выходят на

Тульские школьники в гостях у Толстого. 26 июня 1907 г. Фото С.А. Толстой

Могила Л.Н. Толстого

Прешпект и действительно как будто оказываются в другой реальности... Это очень важно».

В одной из недавних телевизионных бесед Владимир Ильич признался, что живя в Ясной Поляне, он все сильнее ощущает это место как мощный магнит, притягивающий всех людей, и как мощный излучатель в мир.

В 2010 году исполнится 100 лет с того дня, как Лев Николаевич ушел, и все мы, каждое новое поколение, каждый из нас, идем по направлению к Толстому. И снова и снова приходим в Ясную Поляну, чтобы лучше понять себя и мир.

«...Разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину его на маленьком полуострове железной дороги. Удивительнейший конец великого путника. Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту не поверила»²⁹.

В конце жизни Лев Толстой писал: «Идеал муравейных братьев, льющих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же»³⁰.

Он и после смерти остался верен своей Ясной Поляне. Как и завещал, похоронен на краю усадьбы, у оврага, там, где вместе с братом искал когда-то в детстве зеленую палочку, на которой написан рецепт счастья для всех людей.

Журнал «Культура и время» выражает благодарность за содействие в подготовке материала сотрудникам Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» – Владимиру Ильичу Толстому, Любови Александровне Кравчине, Ирине Александровне Трухачевой, Вере Васильевне Федориной.

²⁹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 88.

³⁰ Толстой Л.Н. ПСС. В 91 т. Т. 34. М., 1992. С. 387.